

Тётушка Чань, в полубезумии ухватив юного Тан Шаотана за плечи, выкрикнула:

«Как она могла тебя ранить? Как она могла сбежать от тебя?»

Тан Шаотан робко позвал: «Учитель...»

Его левая рука, истекающая кровью, болела от её хватки, но он не смел пожаловаться, лишь сжался под взглядом потерявшей самообладание женщины.

В глазах тётушки Чань вспыхнул огонь, и её голос стал громче.

«Ты сам её отпустил, да?»

«И рану ты себе сам нанёс, верно?»

«Говори! Не смей врать!»

Тан Шаотан упрямо молчал, стоя перед тётушкой Чань.

В водяной тюрьме стояла жуткая тишина, и только её упрёки, отражаясь от каменных стен, били ему в уши, снова и снова.

Её странный, тягучий и мягкий аромат был сегодня гуще обычного. Он проникал в голову Тан Шаотана тонкими струйками, вызывая лёгкую боль и постепенно погружая в сонное, туманное состояние.

«Я...»

В мозгу вспыхнуло острое желание выложить всю правду. Тан Шаотан опустил ресницы и, незаметно согнув палец, который прижимал рану на левой руке, начал медленно, кончиком ногтя, разрывать её края.

Пронзительная боль вернула ясность. Он снова замолчал.

Они простояли так некоторое время. Казалось, тётушка Чань сдалась перед упрямством в его глазах. Она наконец прекратила упреки, глубоко вдохнула и слегка подняла голову, словно вспомнив кого-то или что-то, постепенно возвращаясь к своему обычному состоянию.

Она произнесла равнодушно: «Ты не похож на свою мать.»

Тан Шаотан: «!»

Тётушка Чань продолжила неторопливо: «Она не была такой глупой.»

Она раскрыла руки, взяла Тан Шаотана за плечи и развернула его, чтобы он лицом к лицу столкнулся с мутной водой у своих ног, кишасей личинками и нечистотами, чтобы ясно увидел эту вонючую, прогнившую водяную тюрьму.

Волосы. Голова. Конечности.

Распухший, искажённый, ужасный труп медленно всплыл на поверхность.

Тан Шаотан инстинктивно отпрянул, но тётушка Чань крепко держала его за плечи, не давая сдвинуться.

«Шаотан, ты должен понимать, — сказала она, — ты человек Павильона Радужных Одежд. Только соблюдая правила павильона, ты можешь жить под защитой нашего господина, каждый день носить роскошные одежды, вкушать изысканные яства, жить как знатный юноша, как небожитель. Стоит тебе покинуть Павильон Радужных Одежд — и ты станешь никем. Ты не будешь достоин стоять здесь, чистый и незапятнанный. Ты будешь, как она, — будешь тонуть в грязи и мутной скверне, пока не умрёшь.»

Тётушка Чань напрягла руки и резко толкнула Тан Шаотана вперёд.

Плюх.

Тётушка Чань смотрела на него сверху вниз: «Ты думаешь, что, проявив милосердие, ты её спас?»

В миг падения взгляд Тан Шаотана встретился с пустыми глазницами всплывшего трупа.

Лицо было уже неузнаваемо, невозможно было сказать, мужчина это или женщина.

Прежде чем мутная вода полностью накрыла его с головой, в уши вонзились леденящие слова тётушки Чань:

«Подумай хорошенько, в чём ты ошибся.»

Механизм водяной тюрьмы сработал почти в тот же миг, что он упал, защёлкнув наручники на его запястьях и приковав его к стене, не давая сдвинуться с места. Уровень воды быстро опустился, а затем снова начал медленно подниматься, тонкой струйкой наполняя камеру.

Тан Шаотан в оцепенении смотрел широко открытыми глазами, не моргая, как труп перед ним то всплывал, то снова погружался.

Глазные яблоки, вросшие в разлагающуюся плоть, из-за отёка вылезли из орбит. В их невидящих зрачках отражалось его собственное, нечеловеческое, чужое отражение.

Сначала он ещё ясно помнил: тётушка Чань бросила его сюда, чтобы заставить осознать ошибку, а не для казни.

Но дни и ночи в бесконечном цикле томительного ожидания, когда в любой миг можно захлебнуться, постоянное балансирование на грани между жизнью и смертью от удушья...

Постепенно время для него расплылось, чувства притупились.

Лишь этот обезображенный, разлагающийся силуэт перед глазами он вырезал в своём сердце ножом, штрих за штрихом.

Чтобы никогда не забыть.

...

Тан Шаотан открыл глаза в подземном озере, где не было ни луча света. Подавив сложную смесь чувств в груди, он начал на ощупь искать в воде следы А Цзю.

Подземное озеро было узким сверху и широким внизу, неестественной формы, похожей на бутылку с тонким горлышком. Чем глубже, тем просторнее становилось и тем леденящее была вода. Он задержал дыхание и искал в темноте довольно долго, но безрезультатно. Решив, что А

Цзю, возможно, уже выбрался на берег, Тан Шаотан раздвинул воду и выплыл на поверхность.

Поверхность озера мерцала, кое-где поблёскивали и переливались крошечные огоньки. В этом свете светлячков, парящем над водой, стоял человек с иссиня-чёрными волосами и в белых одеждах, обернувшись назад.

Волосы — как водопад, кожа — как снег, сам — как луна.

Хотя не было ни ветра, ни луны, казалось, что луна опустилась и танцует среди светлячков.

А Цзю махнул рукой, разгоняя светлячков, и небрежно откинул мокрые пряди волос со лба. «Ты тоже спустился?» — спросил он.

Сквозь туман в сознании Тан Шаотан, сам не свой, выпалил: «Искал тебя.»

Это была правда.

Говорящий не придавал значения? Или слушающий придавал?

А Цзю промолчал, опустил взгляд и какое-то время смотрел на Тан Шаотана, наполовину скрытого водой. Потом небрежно протянул: «Хм...»

Увидев, что Тан Шаотан, не чувствуя холода воды, всё ещё лежит на берегу и тупит, А Цзю вдруг испытал беспричинное раздражение. Он цокнул языком, крупными шагами подошёл к воде и, не говоря ни слова, вытащил его. Затем, скрутив полувлажный рукав, принялся энергично вытирать ему лицо.

А Цзю: «Чего уставился? Воды в голову набрал?»

Он мысленно ворчал: И глаза такие большие, смотрит, чёрные-белые, прямо как какой-то соблазнительный водяной.

Тан Шаотан медленно моргнул, глядя на А Цзю, слегка ошеломлённый.

Кто-то когда-то столкнул его в грязь. А кто-то сейчас помог вернуться к чистоте.

Тан Шаотан: «...»

Это уже второй раз.

Я открываю глаза в темноте, и вижу — ты.

А Цзю чутко уловил замешательство во взгляде Тан Шаотана. Зная, что тот боится воды, он намеренно не стал затрагивать эту тему, лишь прочистил горло и сказал: «Пошли.»

Тан Шаотан покорно кивнул и пошёл за ним след в след.

...

Под землёй было темно, пол скользкий. Куда ни ступи — через три-четыре шага подошвы уже покрывались вездесущим мхом. Обычному человеку пришлось бы туго: шаг — и кувырок.

Но А Цзю шёл удивительно легко.

Казалось, он привык ходить в темноте. Его шаги были необычайно уверенными, и даже когда он шёл небрежно, рассеянно, он не спотыкался и не задевал стен, двигаясь быстро и легко.

Тан Шаотану же было нелегко за ним угнаться.

Он и так был не в лучшей форме, травма на ноге ещё не зажила, и всё это время он держался из последних сил.

С тех пор как он попал в воду, в голове будто повисла пелена, всё тело было вялым, сознание мутным. Стоило ему лишь слегка прикрыть глаза — и беспомощность тех минут на грани удушья, колющая боль в гниющей левой руке, тошнотворное зловоние водяной тюрьмы, а также те выпученные глаза — всё это вновь и вновь всплывало перед ним, витало у самого носа. Даже выбравшись из воды, он не мог от этого избавиться. От этого дыхание его становилось прерывистым, циркуляция крови — затруднённой.

Конечно, его нынешняя некоторая вялость была заметна лишь в сравнении с его обычным, нормальным состоянием.

Даже сейчас он сохранял спокойствие и уверенность, не замедлял шаг и ни на йоту не отставал.

Тан Шаотан: «!»

А Цзю внезапно резко остановился. Тан Шаотан, не ожидавший этого, чуть не налетел на него, пошатнулся и едва успел опереться о стену, чтобы сохранить равновесие. Затем поднял голову.

А Цзю обернулся и, стоя прямо перед Тан Шаотаном, скрестил руки на груди, нахмурился и какое-то время разглядывал его, не говоря ни слова.

Тан Шаотан: «?»

А Цзю неохотно протянул руку.

Тан Шаотан: «???»

А Цзю загадочно сказал: «Дай руку.»

Тан Шаотан не понимал. Увидев, что А Цзю протянул правую руку, он машинально поднял левую, но едва успел поднять локоть, как его схватили за запястье.

Не за левую, а за правую руку.

Он не отпрянул, не уклонился, лишь в недоумении смотрел на А Цзю, который взял инициативу в свои руки без лишних слов.

Через мгновение тёплый поток энергии хлынул от точки соприкосновения их запястий и медленно влился в меридианы сердца Тан Шаотана, успокаивая их хаотичный ритм.

Тан Шаотан сразу понял: А Цзю использует внутреннюю энергию, чтобы помочь ему залечить травмы. Замешательство в его глазах не рассеялось. Возможно, «с кем поведёшься, от того и наберёшься», он заразился от А Цзю долей язвительности и в своём ошеломлённом состоянии задал неуместный вопрос.

«Ты же говорил, что не умеешь лечить?»

Прямо в точку.

А Цзю тут же нахмурился и уже собрался отдернуть руку. Но в итоге лишь лицо его потемнело, руку он не убрал, а вместо этого стал нагло отнекиваться: «А? Я такое говорил?»

Тан Шаотан очень уверенно кивнул: «Угу.»

А Цзю отказался признавать: «Я не помню.»

Что, обнаглел? Смеешь придирааться к моим ошибкам?

Тан Шаотан: «Я помню.»

Ты говорил мне в доме Фань: «Я не умею лечить людей. Если ранен — иди к врачу сам.»

А Цзю, настаивая на своём, заявил: «Значит, ты ошибся.»

Тан Шаотан: «...»

Ты сказал, что не умеешь лечить людей.

Но ты нашёл мне лекарство. И сейчас лечишь меня.

А Цзю заподозрил, что Тан Шаотан совсем спятил от падения в воду и внутренних травм. Не желая спорить, он просто отвернулся и, продолжая передавать внутреннюю энергию, потянул его за руку вперёд.

<http://bllate.org/book/16258/1462766>